

А.В. Сушко

БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ В ОРГАНАХ ОГПУ В СИБИРИ В 1920-х гг.

Ставится и рассматривается значимая для истории отечественных спецслужб проблема борьбы с пьянством в органах ОГПУ в Сибири. Показано, что борьба с пьянством в чекистских коллективах являлась важнейшим элементом строившейся на протяжении 1920-х гг. системы кадрового отбора сотрудников. Автор приходит к выводу, что к концу 1920-х гг., благодаря принятым мерам, масштабы пьянства в чекистских коллективах Сибири значительно снизились.

Ключевые слова: органы ГПУ–ОГПУ; чекисты; алкоголизм; борьба с пьянством; Сибирь.

В истории советских спецслужб есть сюжет, вызывающий неоднозначные суждения исследователей, – это пьянство сотрудников. Советские историки в своих работах представляли нравственным эталоном для граждан первого чекиста Ф.Э. Дзержинского и создавали идеализированный образ сотрудника спецслужб [1–3]. В советской исторической науке, занимавшейся героизацией и сакрализацией прошлого чекистского ведомства, о пьянстве сотрудников ОГПУ писать было немыслимо.

В постсоветский период истории России проблема пьянства чекистов стала привлекать внимание исследователей. Это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, крах коммунистического режима привел к снятию с исторической науки идеологических ограничений, что побудило историков обратиться к ранее закрытым темам, одной из которых было пьянство сотрудников советских органов государственной безопасности. Во-вторых, в связи с массовым рассекречиванием ведомственных документов советских спецслужб периода 1920–1930-х гг. значительно расширились возможности для изучения их истории. В-третьих, отечественная историческая наука, влившись в мировую науку, пережила «антропологический поворот», повысивший интерес историков к человеку и всем явлениям его повседневной жизни на работе и в быту.

На закате советской и в постсоветской истории России отношение к образу чекиста в общественном сознании и исторической науке менялось. Об этих изменениях современная британская исследовательница Джули Федор пишет: «В августе 1991 года фигуру чекиста демонстративно изгнали с российской символической арены, ниспровергнув гигантскую статую Дзержинского в центре Москвы, – то был апогей российской демократической революции. В центре общественного внимания оказались разоблачения массовых убийств, совершенных советскими органами госбезопасности, поскольку тогда на какое-то время был открыт доступ к секретным архивам, материалы которых стали публиковаться. Органы безопасности и их история стали предметом беспрецедентной критики и осуждения. Но этот период позора оказался недолгим. С середины 1990-х гг. культ чекиста, как ни удивительно, начал возрождаться» [4. С. 11]. С британской исследовательницей не согласен один из самых авторитетных российских специалистов по истории отечественных спецслужб А.М. Плеханов, отрицающий «возрождение культа чекистов». В своем

интервью об этом он высказался так: «О каком возрождении идет речь? Вы посмотрите на то, что происходит с исторической наукой сегодня: ликвидируются кафедры истории, сокращаются часы на этот предмет, новые книги по истории спецслужб издаются мизерными тиражами и фактически недоступны широкому кругу общественности. У государства нет четкой политики в этой области: с одной стороны, провозглашается важность исследования и изучения истории, с другой – идет ее уничтожение. Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”» [5. С. 9].

Неоднозначные и противоречивые изменения в общественном и историческом сознании россиян по поводу отношения к чекистам обусловили противоречивую ситуацию в современной историографии отечественных спецслужб. По поводу освещения негативных сторон жизнедеятельности советских органов государственной безопасности, в уже упомянутом интервью А.М. Плеханов заявил следующее: «Да, есть такие историки, которые стараются противопоставить чекистов остальной части нашего населения. У вас на этом снискал известность А.Г. Тепляков. О негативных сторонах работы чекистов надо писать, как бы ни было прискорбно. Ведь нельзя отрицать того, что среди них встречались люди, совершавшие не только правонарушения, но и преступления. Тот же Ф.Э. Дзержинский говорил, что “жуликов и всяких контрреволюционеров в моем аппарате вы смело можете найти 1 000 человек, которые работают для корыстных целей...”. Но в 1920-е гг. в других наркоматах их было значительно больше. Нельзя забывать, что ведомство безопасности всегда отличалось особым подбором кадров. К тому же в нем еще в советское время был выработан механизм, позволявший избавляться от преступных элементов (партийные и административные чистки, аттестация и др.). Поэтому кадры ВЧК менее всего были поражены коррупцией и другими преступлениями» [5. С. 9].

Действительно, из современных сибирских историков тему пьянства чекистов наиболее часто и подробно затрагивает новосибирский исследователь А.Г. Тепляков. Об этом пагубном явлении он, в частности, пишет: «Увольнение массы ветеранов ЧК в первой половине 20-х гг. не привело к прерыванию основных чекистских традиций. Кадровый состав, оставаясь преимущественно малограмотным, хотя и получал лучшую чекистскую подготовку, по-прежнему воспитывался в духе правового нигилизма

и ненависти к инакомыслящим. Моральный облик чекистов характеризовался крайней распространенностью в их среде не только пьянства, но и разнообразных криминальных проявлений» [б. С. 283]. Как широко распространенное явление, пьянство сотрудников ВЧК–ОГПУ в Сибири действительно имело место; и А.Г. Тепляков внес значимый вклад в изучение этого явления, введя в научный оборот множество новых документов. Однако отражение пьянства чекистов в работах новосибирского историка можно охарактеризовать как негативно-тенденциозное.

Приведем пример. Для иллюстрации пьянства сибирских чекистов А.Г. Тепляковым вводятся в научный оборот яркие фрагменты выступлений Л.М. Заковского и Б.А. Бака на заседании ячейки ВКП(б) полпредства ОГПУ, проходившего 1 июля 1926 г. и посвященного борьбе с пьянством. Позволим себе привести объемный фрагмент из труда А.Г. Теплякова с выступлением начальника полпредства. Историк пишет: «Вот красноречивые фрагменты выступления Заковского на заседании ячейки ВКП(б) полпредства ОГПУ 1 июля 1926 г., посвященное борьбе с пьянством: “Пьянство вошло в обычное явление, пьянствуют с проститутками, разъезжают на автомобилях даже члены ячейки. <...> О пьянках нашего аппарата известно в Москве. Мне товарищ Ягода говорит: “У вас пьяный аппарат”, – и отрицать не приходится. В аппарате есть не спайка, а спойка и самая настоящая. <...> Некоторые пьют, пользуются у частника широким кредитом, им дают вместо одной бутылки – три. Это считают нормальным, а сообщить об этом считают преступлением. [Непьющего] товарища начинают избегать. <...> Взяли это Юдина, члена партии с 1905 года, на исправление от пьянки и посадили в ЭКО, а когда он там увидел, что там творится, то последний костюм с себя пропил и ко мне его привели оборванным и с луковкой во рту; ест он эту луковку и говорит: “Хотя я пью, а садить меня не смей [в подвал под арест]” <...> Пить можно, но только в своем узком кругу чекистов и не в общественном месте”» [б. С. 262]. Для иллюстрации своих выводов о пьянстве чекистов А.Г. Тепляков использует документы, появившиеся вследствие борьбы с пьянством в органах ОГПУ. Но приводя из них красноречивые примеры, он лишь упоминает об этом существенном обстоятельстве, не анализируя его и не акцентируя на нем внимания читателей. Историк не оговаривает того обстоятельства, что на протяжении 1920-х гг. отношение к пьянству в чекистских коллективах Сибири постепенно становилось все более нетерпимым.

Таким образом, в современной историографии по поводу истории советских спецслужб и, в частности, негативных аспектов их жизнедеятельности ведутся дискуссии. Факты пьянства сибирских чекистов в 1920 – начале 1930-х гг. уже достаточно подробно и красноречиво описаны. Однако борьба с пьянством в органах ОГПУ историками не рассматривалась, даже несмотря на то, что большинство ведомственных документов о пьянстве сотрудников появилось именно по причине борьбы с пьянством. Партийные и ведомственные документы отражали пьянство чекистов из-

за того, что оно являлось отклонением от нормы поведения, предписываемой властью.

Цель данной работы – охарактеризовать борьбу с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в широком историческом контексте, описав формы пьянства и оценив успешность борьбы с ним.

Для распространения пьянства среди чекистов существовал ряд объективных факторов, связанных как с общим состоянием советского общества, так и с особенностями профессиональной жизни и деятельности сотрудников ОГПУ в 1920-е гг.

Во-первых, важно подчеркнуть, что нельзя вырывать пьянство из окружающей советской действительности, из времени, когда отгремели сражения Первой мировой и Гражданской войн и миллионы людей пытались найти свое место в новом строящемся обществе. Ощущение той эпохи, объяснение причин массового пьянства в своем знаменитом стихотворении «Письмо к женщине», написанном в 1924 г., оставил нам поэт Сергей Есенин. О пьянстве он тогда написал следующие строки:

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

В 1920-х гг. недуг пьянства был присущ советскому обществу в целом. Ситуация с пьянством в СССР охарактеризована в работе Е.В. Шерстневой, отмечающей, что «в 1925 г. по настоянию Госплана было разрешено производство спиртных напитков, включая водку крепостью 40°, в стране была введена государственная винная монополия. “Власть от репрессий перешла к политике эксплуатации алкогольных доходов”. Эта мера объяснялась необходимостью получения дополнительных средств для осуществления форсированной индустриализации страны, а также представлялась как способ вытеснения самогона и преподносилась как временная. Однако индустриализация требовала не только финансовых, но и значительных трудовых ресурсов. Свободная же продажа спиртного, хотя и потеснила позиции самогона, но очень скоро привела к плачевным результатам. По

данном одного из лидеров борьбы с алкоголизмом Э.И. Дейчмана, начиная с 1925 г., в стране наблюдалось резкое увеличение потребления спиртного со всеми вытекающими трагическими последствиями. Рост преступлений на пьяной почве в городах за 1 год составил 270%, в деревнях – 330%» [7. С. 55].

Лавинообразный рост пьянства в СССР с 1925 г. объяснялся выпуском государством сорокоградусной водки получившей в народе название «Рыковка». Этой мерой власть надеялась вытеснить с алкогольного рынка нелегалов-самогонщиков и для проведения индустриализации существенно пополнить государственный бюджет. Сотрудники ОГПУ, как советские граждане, явились не только «потребителями» нового продукта. По долгу службы они внимательно изучали реакцию населения на выпуск государством на рынок водки. Омским окружным отделом ОГПУ был выпущен специальный информационный обзор «Об отношении населения к выпуску 40-градусной очищенной водки». В связи с открытием продажи водки в обзоре следующим образом описывалась ситуация в Омске: «Как общая иллюстрация выпуска водки: в первые дни наблюдались на улицах, на базарах песни, драки, в общем все то, о чем наскутила пьющая публика. На рабочих и работах выпуск водки отразился также отрицательно, и после получки жалования многие удалялись из работы в пьянство, а как результат этого – на следующий день после получки многие рабочие не явились на работу. В некоторых заводах эта неявка достигала около 150 человек, как, например, на заводе им. Зиновьева (такая неявка рабочих фактически останавливала производство. – *А.В.*). <...> Реагирование крестьянства выявить в полной мере не удалось, частично же замечены такие же проявления, как и в городе, например, в п. Сибирском при ст. Называевской по субботам на базарах в лавке Госспирта наблюдается громадная очередь, тут же пьют, и пьяные учиняют хулиганство, дебоши и драки, и т.д.» [8. С. 506–507]. Сотрудники органов государственной безопасности являлись представителями советского общества, поэтому все его недуги неизбежно были присущи и им. Судя по ведомственным документам, 1925–1926 гг. были временем пика пьянства в чекистской среде. Это соответствует общей тенденции алкоголизации советского социума. Но и именно с этого времени в органах ОГПУ активно разворачивается системная борьба с пьянством сотрудников.

Во-вторых, ОГПУ являлись структурой правящей партии, которая в 1920-х гг. была глубоко поражена алкогольным недугом. В этом отношении типична ситуация в парторганизации Омска. В «Кратком годовом обзоре памятке по Омской губернии за 1923 г.», подготовленном к XII Съезду партии, в разделе о состоянии губернской партийной организации о пьянстве коммунистов говорилось особо. Сообщалось, что «пьянство достигло таких размеров, что использовалась каждая возможность для устройства массовых и групповых банкетов... Было распространено в широких размерах и индивидуальное пьянство» [9. Л. 38]. На протяжении 1920-х гг. плачевная ситуация с пьянством в омской парторганизации к лучшему не изменялась. Омская окружная контрольная комиссия в

докладе «Болезненные явления в парторганизации Омского округа» за 1927 г. отмечала в качестве наиболее острого болезненного явления пьянство коммунистов. Пьянством наиболее заражена средняя партийная прослойка, стоящая на тех или иных постах – партийной, советской и профсоюзной работе, как в городских, так и сельских районах и менее среди рядовых членов, а также занимающих более ответственные посты товарищей. Пьянство партийцев – это кривое зеркало партии, которое неверно отражает всю работу партии» [10. Л. 135].

Даже на фоне изрядно пьющего общества, многие коммунисты выделялись чрезмерным потреблением алкоголя. Это объясняется не только широким распространением пьянства и алкоголизма в рядах правящей партии, но и особенностью массового сознания. Рядовые члены общества проявляли особое внимание к представителям власти. В своей среде рабочие и крестьяне ссылались на пьющих или гнавших на продажу самогон представителей правящей партии, как на пример для подражания оправдывавший их аморальное поведение. Так, в справке Омского окружного отдела ОГПУ, подготовленной в феврале 1926 г., окружное партийное руководство информировалось, что «выгонкой самогона начинают заниматься деревенские партийцы. Канд.[идат] ВКП(б) с.[ела] Кибер-Спасского, Калачинского р.[айона] БАГНЮК Василий купил самогонный аппарат и выгоняет не только для себя, но и производит выгон гражданам, беря за работу с ведра 1 р.[убль]. Гр.[аждалин] того же села СТЕПАНЕНКО Егор, б/п [беспартийный] говорит: “Чего же нам не гнать, раз партийцы гонят, а нам и бог велел, ведь они нам показывают пример”» [11. Л. 121]. Такое поведение коммунистов на местах не устраивало власть, борющуюся с публичным пьянством в их рядах и привлекавшую чекистов для надзора за пьянством представителей партийно-государственного аппарата. Поэтому сотрудники ОГПУ находились в двойственном положении. С одной стороны, как коммунисты, многие из них были подвержены пагубному алкогольному пристрастию, дискредитировавшему правящую партию; с другой стороны, как сотрудники спецслужбы являвшейся «карающим мечом партии», чекисты наблюдали за партийным аппаратом и по долгу службы участвовали в борьбе с пьянством в его среде. Это обязывало сотрудников быть моральным эталоном в обществе. Британская исследовательница Джули Федор совершенно справедливо утверждает, что «фигура чекиста стояла в центре новой нравственной вселенной – чекист был одновременно и олицетворением, и главным исполнителем советского морального кодекса» [4. С. 19]. Именно по этой причине борьба с пьянством в чекистском аппарате с уже середины 1920-х гг. велась системно.

В-третьих, советские органы государственной безопасности создавались с «чистого листа». В первые годы существования органов ВЧК основными критериями отбора рядовых сотрудников были преданность правящей партии, готовность защищать ее интересы путем проведения политики «красного террора» и также социальное происхождение. Соответ-

ственно, интеллект, образование и нравственные качества рядового сотрудника при подборе кадров в ВЧК в годы Гражданской войны были вторичны. В результате в органах ВЧК было множество рядовых сотрудников, в нравственном отношении далеких от морального общечеловеческого идеала. Уже в ходе преобразования ВЧК в ГПУ органы безопасности начали очищаться от нравственно разложившихся людей, однако выстраивание механизмов кадрового отбора и, соответственно, наполнение органов безопасности морально устойчивыми сотрудниками было процессом, начинавшимся «с нуля» и требовавшим довольно длительного времени. На протяжении 1920-х гг. этот механизм только начинал выстраиваться и отлаживаться.

В-четвертых, постоянные стрессы на службе и бытовая неустроенность являлись обязательными атрибутами повседневности сотрудников ОГПУ. В первые годы работы органов безопасности материальная обеспеченность и бытовые условия жизни сотрудников были ужасающими. Высшее партийное руководство на протяжении 1920-х гг. получало сигналы от ОГПУ о недостаточной материальной обеспеченности чекистов. В мае 1922 г. И.С. Уншлихт писал В.И. Ленину о необходимости срочно выделить средства ГПУ, обращая внимание вождя революции на то, что «отсутствие финансовых средств ставит в безвыходное положение наших сотрудников и не позволяет вести оперативные работы» [12. С. 164]. За пять лет ситуация с финансированием ОГПУ не нормализовалась и глава чекистского ведомства В.Р. Менжинский был вынужден обратиться в ЦК партии с докладом о необходимости «увеличения ассигнований на зарплату» сотрудников ОГПУ. В докладе говорилось, что «особый характер службы и общие условия деятельности органов ОГПУ (в особенности в связи с текущим моментом), совершенно отличные от существа и обстановки работы всех прочих государственных учреждений, требуют от всех без исключения сотрудников ОГПУ самой напряженной работы в смысле ее количества, постоянной срочности, нервозности и опасности» [12. С. 233].

До августа 1927 г. социальный статус военнослужащих Красной армии оставался более высоким, чем социальный статус сотрудников ОГПУ. Военнослужащим и членам их семей в середине 1920-х гг. было установлено государственное социальное обеспечение. Им предоставлялись социальные гарантии и льготы, предусмотренные «Кодексом законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ СССР и их семей», а также пенсионное обеспечение, регулируемое «Положением о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА». Только 13 августа 1927 г. Совет труда и обороны СССР принял решение о распространении действия Кодекса и Положения на личный состав ОГПУ. Приказом ОГПУ СССР от 5 октября 1927 г. № 195 личный состав с 1 октября того же года снимался с обеспечения органами социального страхования и переходил на государственное обеспечение [13. С. 149]. В этой связи подчеркнем, что повышение социального статуса и оплаты труда работников ОГПУ

в 1927 г. существенно повлияло на поведение сотрудников и, соответственно, на моральный климат в чекистских коллективах. Оно стало важнейшим условием снижения пьянства сотрудников ОГПУ.

Приведем пример, иллюстрирующий состояние чекистских коллективов в Сибири. В сентябре 1927 г. в Омском окружном отделе ОГПУ расследовались самоубийства двух сотрудников. Характеризуя ситуацию в своем подразделении, начальник окротдела Д.В. Шленов подчеркивал: «Общее положение коллектива: материальная необеспеченность, большая нагрузка, нет клуба, плохо поставлено лечение» [14. С. 125]. Экстремальные условия службы, материальная необеспеченность и бытовая неустроенность провоцировали чекистов на то, чтобы при помощи алкоголя снимать напряжение. В тех условиях массовость пьянства, становившегося явлением чекистской субкультуры, заставляла приобщаться к пьянству новых сотрудников, «вливавшихся» в коллектив.

Пьяные спецслужбы не могли быть эффективны. Большинство коммунистов в 1920-е гг. не без оснований полагало, что «основа Советской власти – это ГПУ. Не будет ГПУ, не будет Советской власти» [12. С. 157]. Власть и руководство чекистским ведомством осознавали все вышеприведенные факторы. В условиях, когда от успешной работы органов ОГПУ зависело само существование режима, имевшего множество реальных и вымышленных внешних и внутренних врагов, партийно-государственное и ведомственное руководство значительное внимание уделяло нравственным качествам сотрудников и моральной обстановке в чекистских подразделениях. В 1920-х гг. закладывались основные принципы и нормы кадровой политики в органах государственной безопасности. В отличие от большинства советских учреждений и предприятий, в органах ОГПУ борьба с пьянством велась последовательно.

Руководящим чекистским органом в Сибири являлось ПП ОГПУ по Сибирскому краю. Оно находилось в Новосибирске. В середине 1920-х гг. в этом учреждении пьянство приобрело неприемлемые масштабы. В ответ на широкое распространение пьянства среди сотрудников руководством ПП ОГПУ была начата борьба с ним по партийной и административно-должностной линиям. Это наглядно иллюстрирует протокол собрания партячейки ПП ОГПУ в Сибири с привлечением членов ВЛКСМ и беспартийных от 10 мая 1926 г. На собрании слушался вопрос «о мерах борьбы с пьянством». Докладчиком выступил Долгов. Вопрос вызвал оживленную дискуссию участников собрания. Лехин высказался «о неравномерности взысканий на отдельных товарищей». Бак – «о случаях пьянства, о необходимости прекращения пьянства и мерах против него среди сотрудников». Ильиных, Смирнов, Марченко, Краузе – «вообще о пьянстве, о необходимости борьбы с пьянством не только среди рядовых сотрудников, но и ответработников». В результате участники собрания постановили (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены. – А.С.):

«1) Признать необходимой решительную борьбу с пьянством мерами партвзыскания и путем втягивания товарищей в культурно-просветительную работу и, в частности, в работу секций спортобщества “Динамо”».

2) Через бюро ячейки провести изучение причин пьянства в основу сего положить циркуляры ЦК ВКП(б) опубликованные в № 43 “Правды” Сибкрайкома, а также решения II Закаменской конференции.

3) Протокол бюро ячейки от 7 мая с.г. в отношении наказаний за пьянство тт. Медведеву и Ольчинскому (исключить из партии), Дербену и Тимонину (дача выговоров) утвердить» [15. Л. 38].

На протяжении 1926 г. и в последующее время борьба с пьянством в ПП ОГПУ по Сибири проводилась все более активно. Чрезмерно пьющие сотрудники, попадавшие в «неприятные истории», становившиеся известными руководству и всему чекистскому коллективу, привлекались к дисциплинарной и партийной ответственности. Самые неисправимые пьяницы из органов безопасности изгонялись. Фрагментарно проанализированное А.Г. Тепляковым вышеупомянутое заседание ячейки ВКП(б) полпредства ОГПУ, состоявшееся 1 июля 1926 г., проводилось из-за необходимости выполнить решение собрания, проходившего 10 мая и постановившего «изучить причины пьянства», а также из-за очередного увольнения сотрудников ПП ОГПУ за пьянство.

К июльскому собранию пьянство как явление жизни чекистского коллектива было всестороннее проанализировано. В результате этого были выявлены пять категорий пьянства:

«1. Выпивка на дому, наедине или в узком кругу лиц за преферансом.

2. На широком семейном вечере устраиваемом в складчину.

3. Выпивка в столовой или шашлычной после вечерних занятий или за обедом кончающаяся двумя бутылками пива.

4. Чрезмерное регулярное пьянство в общих местах.

5. Пьянство переходящее все грани, связанное со случайной обстановкой, со стрельбой, дебошем, проститутками и растратами иногда происходящее в кругу чуждого элемента, в общественных и публичных местах» [15. Л. 54].

У руководителей чекистскими подразделениями особое беспокойство вызывали две последние категории пьянства. Они дискредитировали сотрудников ОГПУ в глазах граждан, препятствуя успешному проведению государственной пропагандистской политике по формированию в обществе сакрального образа чекиста – эталона нравственной чистоты в новом обществе. Последняя категория была сопряжена с совершением уголовно-наказуемых деяний сотрудниками и была особенно неприемлема для ведомства, обеспечивающего государственную безопасность.

Причины пьянства на собрании коллективу были изложены Б.А. Баком. Предварительно изучив их в ходе общения со злоупотреблявшими алкоголем сотрудниками, в своем выступлении он рассказал коллективу следующее: «Некоторые товарищи объясняют пьянство неудачно сложившейся жизнью (семейной обстановкой). Пью, говорит, потому, что жена за мной шпионит, грозить застрелить или задушить, ну и бежишь куда глаза глядят. Холостяки жалуются, на отсутствие какой бы то не было семейной обстановки.

Придешь, говорит на квартиру, а там пусто, одиноко, не с кем даже слово переговорить, вот чтобы рассеять это одиночество идешь в “Альчамбру”, пивную или шашлычную. Одной из причин также выставляют неудовлетворение службой, из нас говорят хотят сделать чинуш, тогда как мы привыкли к живой энергичной чекистской работе. На остальных причинах вроде того, что пил в компании и ради нее, пил потому что пьет начальство и т.д. останавливаться не буду. Но на одной из причин по моему – необходимо внимание остановить – это “ПИССЕМИЗМ”, как называл ее один из беседующих товарищей со мной, “рабочий класс в данный момент переживает целый ряд болезней, из которых главная это – ПЬЯНСТВО, вполне понятно, что и во мне, с одной стороны, как в коммунисте, а с другой стороны как в интеллигенте, болезни рабочего класса находят отзвук”» [15. Л. 52].

Среди участников собрания было полное единодушие в вопросе о необходимости борьбы с пьянством, осознание того, что это ненормальное явление для органов безопасности. Однако они несколько разошлись во мнениях о границах допустимого пьянства: от необходимости полного запрета с суровыми санкциями за пьянство до его ограничения узким чекистским кругом (выше об этом со ссылкой на работу А.Г. Теплякова уже было приведено мнение Л.М. Заковского). Так, Марченко высказался за нетерпимость по отношению к пьянству, заявив: «Один просит его женить, другой разженить, а интересы партии забываются. Раньше было и партийное и общественное мнение, что органы ВЧК–ОГПУ это кристалл, на самом деле произошла переоценка ценностей. Нужно с этим делом покончить раз и навсегда». Его коллега Колобков также заявил, что «пьянство не нормально, в том отношении, что пьет оперативный состав. Одних административных мер и высылки в Соловки мало. Нужна воспитательная работа. Пьянство происходит потому, что создаются такие условия работы» [15. Л. 52–58]. Собрание поддержало решение руководства об увольнении проштрафившихся сотрудников.

В последующее время в ПП ОГПУ продолжалась работа по борьбе с пьянством среди сотрудников, которая постепенно стала приносить результаты. В этом отношении показателен доклад о работе бюро ячейки ВКП(б) при ПП ОГПУ за период с 12/X. 1927 г. по 1/IV.1928 г. В документе отмечалось, что «аморальные явления значительно сократились. За отчетный период имели место 3 случая пьянки» [16. Л. 58]. По сравнению с аналогичным периодом 1925–1926 гг. это был качественный прогресс. Несмотря на снижение остроты вопроса, в дальнейшем на случаи пьянства в ПП ОГПУ по Сибири руководство реагировало оперативно и в некоторых случаях жестко. Такой реакции способствовала общая ситуация в стране, когда правящий режим начал расширять репрессивную практику постепенно «закручивая гайки». Советское общество развилось в направлении тоталитаризма. В таких условиях в конце 1920-х гг. в чекистских коллективах руководством проводилась политика, направленная на сокращение приватного пространства сотрудников. Государство стремилось взять под тотальный контроль их жизнь не только в служебное время, но и в личное. В

резюми по докладу о самокритике на партийном собрании в ПП ОГПУ от 26 июня 1928 г. отмечалось, что «внимательно наблюдая за своей личной жизнью, коллектив должен выявить хотя бы единичные случаи пьянства; факты общения отдельных сотрудников чуждыми нам анти-пролетарскими элементами, ставя эти болезненные элементы под удары критики всего коллектива» [16. Л. 97].

В конце 1920-х гг., благодаря системной борьбе с пьянством, руководству и коллективу удалось значительно сократить масштабы этого аморального явления и ввести его в границы дозволенного. В большинстве своем чекисты, боясь быть привлеченными к ответственности на службе и по партийной линии, стали в основном выпивать со своими коллегами, старались не употреблять спиртное в общественных местах и не появляться на людях в состоянии алкогольного опьянения.

Естественно, что вышеприведенные факты не свидетельствовали о полной победе над пьянством в ПП ОГПУ по Сибири (позднее по Западно-Сибирскому краю). Это пьянство сотрудников эпизодически имело место на всем протяжении существования органов ОГПУ. В отчете бюро партактива при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 28/XI.1933 г. приводились следующие виды и количество нарушений чекистов-коммунистов: развал работы – 2 человека, пьянка – 11, использование служебного положения – 3, нарушение партийной дисциплины – 12, разложение – 4, невыполнение партийной нагрузки – 5 человек [17. Л. 25]. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что случаи пьянства в чекистском коллективе продолжали иметь место и руководство вело с этим явлением борьбу. Рост случаев пьянства в начале 1930-х гг. имел место из-за значительного увеличения штатов органов ОГПУ и участия чекистов в массовых политических репрессиях. Напряжение от такой деятельности некоторые сотрудники снимали алкоголем.

В окружных сибирских отделах ОГПУ положение с пьянством было сходным с ПП ОГПУ по Сибири. А.Г. Тепляков для иллюстрации значительных масштабов пьянства среди сибирских чекистов описал ситуацию в Томске. Там была проведена показательная чистка, проведенная в 1925–1926 гг. новым начальником окружного отдела С.Л. Гильманом, уволившимся за несколько месяцев за пьянство до десятка чекистов [6. С. 261]. Если оценить цель этой «показательной чистки», то ее можно охарактеризовать не только как пример повального пьянства в органах государственной безопасности, но и как пример принципиальной борьбы с этим явлением. Очевидно, что в значительной степени масштаб и методы этой борьбы зависели от личности руководителя чекистского подразделения, готового мириться с пьянством сотрудников, вызванным тяжелыми условиями службы или, наоборот, относившемуся к пьянству непримиримо, как это было в описанном А.Г. Тепляковым случае в Томске.

Следует отметить, что в середине 1920-х гг. от наказания за пьянство в органах ОГПУ были не защищены и довольно «заслуженные» люди, имевшие в чекистских структурах авторитетных родствен-

ников. Например, в 18 ноября 1925 г. из Красноярского окротдела ОГПУ «за пьянство и дебош» был уволен и отбыл к месту жительства в Саратов комендант Красноярского окротдела ОГПУ Николай Фотиевич Тиунов [18. Л. 104]. Его брат Виктор Фотиевич Тиунов был высокопоставленным сибирским чекистом, стоявшим у истоков создания в крае нескольких Губотделов ВЧК [19, 20]. Однако ни былые заслуги Н.Ф. Тиунова, ни родство не спасли его от позорного изгнания из органов ОГПУ.

Если в качестве примера рассмотреть ситуацию с пьянством чекистов в Омске на протяжении 1920-х гг., то к концу периода, так же как и в Новосибирске, в борьбе с этим аморальным явлением прослеживается положительная динамика. В воспоминаниях Я.Я. Веверса, с сентября 1925 г. по октябрь 1928 г. служившего начальником ЭКО Омского окротдела ОГПУ, содержатся сведения о пьянстве омских чекистов: «Некоторые начальники отделений окротдела были не на своем месте, выпивали. Дурные примеры, как известно, заразительны. Выпивали и некоторые рядовые работники. И эти выпивки отрицательно сказались на моральном облике коллектива» [14. С. 123]. Пик пьянства среди сотрудников ОГПУ в Омске приходился на 1925–1926 гг. В последующее время, как и в целом по Сибири, пьянство среди сотрудников ОГПУ в Омске пошло на спад. Материалы партийной чистки 1929 г. свидетельствуют, что пьянство сотрудников ОГПУ в Омске, как явление чекистской корпоративной субкультуры, было сведено к минимуму. Отдельные случаи пьянства сотрудников строго пресекались вышестоящим руководством. В ходе проверки партийной Омского окружного отдела ОГПУ секретарем ячейки Буториним был подготовлен доклад, где отмечалось, что «ячейка в целом здорова. Со стороны отдельных членов партии было проявлено некоторое отклонение в силу непонимания генеральной линии партии, но своевременно ячейкой учтено и исправлено. Замечались случаи пьянки, за таковые поступки некоторым товарищам были даны соответствующие взыскания и ликвидированы». Изложенное полностью подтверждалось материалами проверки. По ее результатам комиссия пришла к следующему заключению: «В общем и целом ячейка здорова, успешно справляется с поставленными перед ней партийными задачами, дисциплинирована. Несмотря на решительные меры, принимаемые ячейкой к проявлениям болезненных явлений, последние все же имели место: отмечены отдельные случаи пьянки членов партии (Степанов, Николаев – оба уволены)...» [21. Л. 23]. Материалы партийной проверки показывают, что пьянство в Омском окротделе ОГПУ в 1929 г. уже не было широко распространенным явлением. Руководство жестко пресекало пьянство отдельных сотрудников, наказывая, а в отдельных случаях и увольняя их со службы.

Таким образом, вопрос о пьянстве сотрудников органов ОГПУ нельзя рассматривать в отрыве от истории советского общества и коммунистической партии, которые в 1920-х гг. были глубоко поражены этим недугом. Некоторые чекисты были подвержены пьянству, как и многие представители советского социума, как и значи-

тельная часть членов правящей коммунистической партии. Помимо этих общих обстоятельств, имелись и профессиональные особенности деятельности, влиявшие на распространение пьянства среди сотрудников советских спецслужб. Это ненормированный рабочий день, психологическое напряжение на службе, крайне низкая заработная плата, не позволявшая достойно жить, а также бытовая неустроенность, вызванная всеми вышеперечисленными причинами.

Правящая партийная верхушка прекрасно осознавала, что без органов ОГПУ ей не удержаться у власти, а пьяные спецслужбы не смогут выполнить сложные задачи по обеспечению безопасности. Поэтому в условиях алкоголизации советского общества с середины 1920-х гг. в органах ОГПУ началась системная борьба с пьянством сотрудников как по партийной, так и по служебно-административной линиям. Руководителями органов ОГПУ постоянно предпринимались меры к ограничению и искоренению пьянства, подрывавшего в глазах советских граждан репутацию не только органов государственной без-

опасности, но и правящей партии. В отдельных подразделениях органов ОГПУ в Сибири жесткость и последовательность этой борьбы в значительной степени зависели от отношения начальника к пьянству своих подчиненных. Однако этот нюанс имел частное значение.

В целом борьба с пьянством в чекистских коллективах являлась важнейшим элементом строившейся на протяжении 1920-х гг. системы кадровой селекции сотрудников. В органах ОГПУ в Сибири, как ни в какой другой государственной организации, активно велась борьба с пьянством. Благодаря принятым мерам к концу 1920-х гг. размах пьянства в чекистских коллективах Сибири значительно снизился. В основном сотрудники стали употреблять спиртные напитки совместно с коллегами в закрытом чекистском коллективе, не дискредитируя органов безопасности в глазах граждан. Однако отдельные происшествия, связанные со злоупотреблением сотрудниками ОГПУ спиртным, случались на всем протяжении существования этой организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубов Н.И. Ф.Э. Дзержинский : биография. М. : Госполитиздат, 1963. 335 с.
2. Тишков А.В. Первый чекист. М. : Воен. изд-во, 1968. 136 с.
3. Феликс Эдмундович Дзержинский : биография / [С.С. Хромов, А.С. Велидов, С.В. Дзержинская и др.; редкол.: А.С. Велидов и др.]. 3-е изд. М. : Политиздат, 1986. 509 с.
4. Федор Дж. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб. : Питер, 2012. 304 с.
5. Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
6. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М. : АИРО–XXI, 2007. 288 с.
7. Шерстнева Е.В. Санитарное просвещение и пропаганда в борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР в 1920-е гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 4. С. 54–58.
8. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. Омск : Мир увлечений, 2011. 592 с.
9. Исторический архив Омской области (далее ИАОО). Ф. П-17. Оп. 33. Д. 253.
10. ИАОО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 152.
11. ИАОО. Ф. П-7. Оп. 2. Д. 35.
12. Политбюро и органы государственной безопасности / сост., вступ. ст., коммент. О.Б. Мозохина. М. : Кучково поле, 2017. 800 с.
13. Бухарин Р.Р. Социально-экономическое положение сотрудников ВЧК–ГПУ–ОГПУ в 1920-х годах // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 147–151.
14. Василевский В.П., Сушко А.В. Суицид среди сотрудников советских спецслужб в 1920-е гг. (на примере Омского окружного отдела ОГПУ) // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 121–127.
15. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 4. Л. 38.
16. ГАНО. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
17. ГАНО. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.
18. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 786. Л. 104.
19. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия / авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов; [изд. 3-е доп. и испр.]. М., 2017. 528 с.
20. Василевский В.П. Виктор Фотиевич Тиунов биография и политический портрет первого начальника Омского губернского отдела ГПУ // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XIII. «Гороховая, 2» 2015. СПб. : Любавич, 2015. С. 161–169.
21. ИАОО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 311.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 апреля 2019 г.

The Struggle Against Drunkenness in the Joint State Political Directorate Departments in Siberia in the 1920s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 452, 160–167.

DOI: 160–167. DOI: 10.17223/15617793/452/19

Alexey V. Sushko, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

Keywords: GPU–OGPU; chekists; alcoholism; struggle against drunkenness; Siberia.

On the materials of the history of Siberia, the article raises the problem of the struggle against drunkenness in OGPU (Joint State Political Directorate). This problem is important for the history of Russian special services, and is closely connected with the formation of mechanisms of personnel selection in state security services. The analysis of the historiography of the problem draws attention to the specifics of most sources about the chekists' drunkenness: those sources appeared as a result of the struggle against this immoral phenomenon in the chekist collectives. The article emphasizes that the problem of drunkenness of OGPU employees cannot be investigated in isolation from the history of Soviet society and the Communist Party deeply afflicted with this disease in the 1920s. Therefore, the drunkenness of OGPU officers in Siberia is examined in a broad historical context. To solve the problem, four general and specific (professional) factors, which led to a wide range of drunkenness among the chekists in the middle of the 1920s, were identified. The first was that drunkenness in Soviet society was widespread, it increased significantly when the state began sell-

ing vodka Rykovka in 1925. The second was that drunkenness was widespread among members of the ruling Communist Party, OGPU was part of it. The third was that Soviet security services were very young; personnel selection mechanisms and, accordingly, the hiring of morally stable employees started from scratch and required a long time. The fourth was that constant stresses on service and household disorder were mandatory attributes of OGPU employees' daily routine. Analysis of departmental documents devoted to the struggle against drunkenness shows that the peak of drunkenness in Siberian chekist collectives occurred in 1925–1926. Since that time, the struggle against drunkenness in OGPU acquired a systematic character. Heads of OGPU constantly took measures to limit and eradicate drunkenness, which undermined the reputation not only of state security services, but also of the ruling party in the eyes of Soviet citizens. In some OGPU units in Siberia, the persistence of this struggle largely depended on the attitude of the superior to his subordinates' drunkenness. However, this detail was of a very limited value. In general, the struggle against drunkenness in chekist collectives was the most important element of the system of staff selection built during the 1920s. The author comes to the conclusion that the struggle against drunkenness brought the expected results by the end of the 1920s. The scope of drunkenness in the chekist collectives in Siberia decreased significantly due to measures taken. However, certain incidents connected with abuse of alcohol by OGPU officers happened throughout the life of this organization. It was quite natural in the society where the abuse of alcohol by citizens was provoked by the state and where state security services took an active part in mass political repressions against citizens.

REFERENCES

1. Zubov, N.I. (1963) *F.E. Dzerzhinskiy: biografiya* [F.E. Dzerzhinsky: Biography]. Moscow: Gospolitizdat.
2. Tishkov, A.V. (1968) *Pervyy chekist* [First Chekist]. Moscow: Voen. izd-vo.
3. Velidov, A.S. et al. (eds) (1986) *Feliks Edmundovich Dzerzhinskiy: biografiya* [Felix Dzerzhinsky: Biography]. 3rd ed. Moscow: Politizdat.
4. Fedor, J. (2012) *Traditsii chekistov ot Lenina do Putina. Kul't gosudarstvennoy bezopasnosti* [Russia and the Cult of State Security. The Chekist Tradition, From Lenin to Putin]. Translated from English by E. Karmanova, I. Kochneva. St. Petersburg: Piter.
5. Plekhanov, A.M. (2018) "It Seems That We Grow Younger Generation 'Oblivious of Gens'...". *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* – *Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 1. pp. 7–11. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-7-11
6. Teplyakov, A.G. (2007) "Nepronitsaemye nedra": *VChK–OGPU v Sibiri. 1918–1929 gg.* ["Impermeable Bowels": VChK–OGPU in Siberia. 1918–1929]. Moscow: AIRO-XXI.
7. Sherstneva, E.V. (2014) The Sanitary Education and Propaganda in Struggle With Drunkenness and Alcoholism in the USSR in 1920s. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny – Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 4. pp. 54–58. (In Russian).
8. Guseva, E.N. et al. (2011) *Strogo sekretno. Omskoe Priirtysh'e v politicheskikh informatsionnykh svodkakh 1920–1930 gg.* [Top Secret. Omsk Irtysh Region in the Political Information Bulletins of 1920–1930]. Omsk: Mir uvlecheniy.
9. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-17. List 33. File 253. (In Russian).
10. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-6. List 1. File 152. (In Russian).
11. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-7. List 2. File 35. (In Russian).
12. Mozokhin, O.B. (2017) *Politbyuro i organy gosudarstvennoy bezopasnosti* [Politburo and State Security Bodies]. Moscow: Kuchkovo pole.
13. Bukharin, R.R. (2011) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie sotrudnikov VChK–GPU–OGPU v 1920-kh godakh [The Socioeconomic Situation of the VChK–GPU–OGPU Employees in the 1920s]. *Vestnik Voenmogo universiteta*. 3 (27). pp. 147–151.
14. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2016) Suicide Among the Staff of Soviet Special Services in the 1920s (The Example of Omsk District Department of the OGPU). *Voprosy istorii – Issues of History*. 6. pp. 121–127. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1204. List 1. File 4. Page 38. (In Russian).
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1204. List 1. File 5. Page 58. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1204. List 1. File 8. Page 25. (In Russian).
18. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 786. Page 104. (In Russian).
19. Plekhanov, A.M. & Plekhanov, A.A. (2017) *VChK. 1917–1922. Entsiklopediya* [VChK. 1917–1922. Encyclopedia]. 3rd ed. Moscow: Veche.
20. Vasilevskiy, V.P. (2015) Viktor Fotievich Tiunov: biografiya i politicheskiy portret pervogo nachal'nika Omskogo gubernskogo otdela GPU [Viktor Tiunov: Biography and Political Portrait of the First Head of the Omsk Provincial Department of GPU]. In: *Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloe i sovremennost'. Istoricheskie chteniya* [Political History of Russia: Past and Present. Historical Readings]. Is. XIII. St. Petersburg: Lyubavich. pp. 161–169.
21. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-6. List 1. File 311. (In Russian).

Received: 17 April 2019